

Чалый Вадим Александрович

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Балтийского федерального университета
имени И. Канта

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КАНТИАНСКОЙ ДЕОНТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация:

В статье рассматриваются понятие деонтологической этики Канта и проблема ее использования для обоснования политического либерализма. Приняв в качестве центрального кантовское понятие личной автономии, Дж. Ролз и М. Сэндел интерпретируют морально-политическую философию Канта как главную деонтологическую доктрину, противостоящую консеквенциализму и телеологическому подходу. Однако понятие автономии в философии Канта является производным от базового понятия человеческого достоинства, восстановление которого в центре его этики позволяет избежать трудностей, вменяемых кантианству указанными интерпретаторами. В результате сама дихотомия деонтологии-телеологии оказывается сомнительной, во всяком случае в применении к философии Канта.

Ключевые слова:

деонтология, телеология, консеквенциализм, Кант, Ролз, Сэндел, категорический императив, индивидуализм.

Chaly Vadim Aleksandrovich

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Head of Philosophy Department,
Immanuel Kant Baltic Federal University

THE IDEAS ABOUT KANTIAN DEONTOLOGY IN CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE POLITICAL PHILOSOPHY

Summary:

The author analyses Kant's deontological ethics and the problem of its use for justification of political liberalism. Taking Kant's notion of personal autonomy as a central one, J. Rawls and M. Sandel interpret his moral and political philosophy as the prime deontological doctrine standing in opposition to consequentialism and teleology. However, the concept of autonomy in Kant's philosophy is subordinate to the concept of human dignity, the restoring of which as the centerpiece of his ethics allows to avoid the difficulties ascribed to Kant by the aforementioned philosophers. As a result the whole dichotomy of deontology and teleology is questioned, at least in its application to Kant's philosophy.

Keywords:

deontology, teleology, consequentialism, Kant, Rawls, Sandel, categorical imperative, individualism.

Деление на деонтологические и консеквенциалистские или телеологические является одним из центральных для современных этических теорий. Это деление имеет огромное значение для политической философии, в особенности для либерализма. Однако и значение понятия «деонтология», и факт принадлежности той или иной теории к деонтологическому направлению, и даже сам факт существования такого направления являются предметом дискуссий. В настоящей работе мы в самом общем виде рассмотрим сюжет, который представляется важнейшим в этих дискуссиях, – попытку Джона Ролза адаптировать кантовскую деонтологию и критику этой попытки Майклом Сэнделом.

Как известно, понятие «деонтология» вошло в обиход благодаря работе Бентама «Деонтология, или Наука о морали» (1834), современное значение оно обрело только в 1930-х гг. В современном значении деонтологическая этика предписывает оценивать поступки исходя из их соответствия некоторому правилу (δέον – долг). Деонтологическая этика противопоставляется консеквенциалистской, предписывающей оценивать поступки по их последствиям; вместе деонтологическая и консеквенциалистская этика противопоставляются этике добродетели, предписывающей не поступки, а форму личности. Также известно, что до 1970-х гг. в интересующей нас англоязычной политической философии доминировал утилитаризм, опирающийся на консеквенциалистскую этику, и что «Теория справедливости» Ролза (1971) стала попыткой радикального отказа от утилитаризма и его трудностей. В этой попытке Ролз опирался на кантовскую деонтологическую этику, понимание которой и вызвало критику со стороны оппонентов. В «Теории справедливости» Ролз определяет деонтологические теории как противоположные телеологическим: такая теория «не определяет благое в отрыве от правого (the right) или не интерпретирует правое как максимизирующее благо» [1, с. 26]. Кантовская моральная философия позднее определяется Ролзом как сочетание конструктивизма и деонтологии [2, с. 510].

Майкл Сэндел снискал известность в начале 1980-х как критик Ролза и один из основателей коммунитаристского направления в политической философии. В своей книге «Либерализм и

пределы справедливости» (1982) Сэндел предлагает интерпретацию и критику деонтологического подхода к проблемам политической философии. По мнению Сэндела, деонтологический подход вообще присущ политической философии, нацеленной на поиски справедливости. Однако деонтология может быть «фундаменталистской» и «нефундаменталистской». Милль и Локк, по мнению Сэндела, представляют последнюю, Кант же является архифундаменталистом. Различие заключается в том, что британские философы помещают справедливость в число моральных ценностей, великий немец не останавливается на этом и утверждает зависимость морали вообще от возможности морального закона. Должное оказывается выше блага не просто потому, что так расположены наши моральные приоритеты, но потому, что сами приоритеты возможны только благодаря понятию долга. Обоснование принудительной силы морали возможно только если она следует закону, поднимающемуся над эмпирическими склонностями и интересами, над телеологическим представлением о благе как некотором положении вещей в мире – так пересказывает кантовскую мысль Сэндел [3, с. 2].

Сэндел считает, что деонтология противостоит *консеквенциализму* в моральном плане как этическая доктрина, «описывающая категорические обязанности и запреты, имеющие безусловный приоритет перед прочими моральными и практическими соображениями». В «фундаменталистском», базисном отношении деонтология противостоит *телеологии*, «она описывает форму оправдания, в которой первопринципы выводятся способом, не предполагающим каких-либо человеческих конечных целей, а равно и какой-либо заданной концепции блага» [4, с. 3].

Первый вид деонтологии, противостоящий консеквенциализму, по мнению Сэндела, имеет широкое хождение в либеральных теориях, утверждающих приоритет индивидуальных прав и вольностей над соображениями полезности, коллективного благополучия и т. п. В этом смысле деонтологическими являются не только классические теории Локка и Милля, но и либертарианство Роберта Нозика. Однако первоочередность прав в большинстве этих теорий в итоге объясняется тем, что они лучше других служат максимизации общественного блага, и это делает их утилитаристскими.

Второй вид деонтологии, впервые предложенный Кантом и благодаря Ролзу вернувшийся в морально-политическую философию, считает необходимым выйти из этого круга и к этическим аргументам добавляет метафизические. Сэндел считает, что для Канта приоритет прав следует только из метафизического понятия свободы, которая должна проявляться во внешних отношениях между людьми и которая никак не связана с целями, предписанными человеку природой (например, счастьем). Только в таком обществе, согласно Канту, человек будет волен в пределах закона искать такого счастья, которое сам полагает для себя [AA UG, 8:298; 5].

Метафизическим основанием справедливости, а с ней права и государственной власти, необходимой для его осуществления, может быть только долг, имеющий трансцендентальное, сверхэмпирическое происхождение. Долг имеет происхождение не в объекте, а в самом субъекте, происхождение априорное, доопытное. Следовательно, заключает Сэндел, субъект в кантовской философии, в том числе в ее политическом преломлении, не только имеет явный приоритет перед объектом, но и предшествует ему и может рассматриваться в изоляции.

Приоритет и умозрительная изолированность субъекта в кантовской философии обособиваются особым видом аргументации, которая в аналитической традиции получила название «трансцендентального аргумента». В теоретической философии трансцендентальный аргумент сформулирован наиболее обстоятельно, содержится в трансцендентальной дедукции «Критики чистого разума» и в самом общем виде из факта наличия опыта выводит необходимость наличия ноуменального субъекта, собирающего и «присваивающего» этот опыт. В практической философии его аналог Сэндел обнаруживает в «Основоположении к метафизике нравов» (1785). Здесь Кант описывает два способа понимания законов, направляющих наше поведение: как объект опыта человек есть существо эмпирическое, он подчинен природной необходимости, гетерономен; как субъект опыта человек есть существо сверхприродное, ноуменальное, и это проявляется в способности свободно подчинять себя моральному закону. Вновь, утверждает Сэндел, мы имеем дело с моделью субъекта, оторванного, «освобожденного» от эмпирической реальности, причем эта оторванность является необходимым элементом кантовской теории, без которого она перестала бы работать.

Таким образом, кантианская деонтология «основана на понятии субъекта, данного до его целей, понятии, которое считается необходимым для понимания нас как совершающих свободный выбор, автономных существ» [6, р. 9]. Из этой модели субъекта следует видение общества, управляемого принципами, не руководствующимися каким-либо представлением о благе, поскольку иначе они не уважали бы нашу способность совершать свободный выбор, обращались бы с нами как с объектами, а не субъектами, как со средствами, но не как с целями самими по себе. В современном либерализме, по мнению Сэндела, именно такую модель предполагает теория Ролза.

Достоинством деонтологической, «трансцендентальной» модели политического субъекта ее сторонники считают то, что она свободна от трудностей, к которым неизбежно приводит попытка решения фундаментальных вопросов о благе, о том, какой должна быть «благая» или «добродетельная» человеческая жизнь, то есть вопросов об объекте, на который должны быть направлены наши действия. Однако ценой этого освобождения становятся противоречия в представлении о субъекте. Деонтология, как считает Сэндел, предписывает совершенно негибкую и нереалистичную модель человека: во-первых, она требует от нас нечеловеческой способности отстраняться от собственного положения и взирать на себя «с точки зрения вечности»; во-вторых, она лишает нас многих сущностных характеристик, без которых наше представление о самих себе оказывается не только неполным, но и неработающим в политическом отношении.

Сопоставляя позиции защищающего кантовскую деонтологию Ролза и критикующего ее Сэндела, мы можем заметить, что они одинаково расценивают практическую философию Канта как утверждение автономии. Для обоих философов пафос кантовской практической философии сводится к утверждению индивидуальной свободы (и в метафизическом смысле, и прежде всего в смысле политической вольности). Но это весьма спорная оценка. В пику ей американский же кантовед Аллен Вуд утверждает, что пафос кантовской философии состоит прежде всего в утверждении человеческого достоинства [7, с. 2], Э.Ю. Соловьев указывает на важность и терминологическую выверенность «второй формулы» категорического императива о необходимости уважения человеческого достоинства в каждой личности [8, с. 89–93]. Само слово *Menschheit*, использованное Кантом во второй формуле, имеет и единственное (человечность), и множественное (человечество) значения, приводящие в равновесие индивидуальное и общественное.

Такое понимание цели практической философии Канта позволяет считать, что роль индивида в деонтологии Канта преувеличена и Ролзом, использовавшим это гипертрофированное понятие для нужд своего политического либерализма, и Сэнделом, сделавшим его мишенью для критики. Трансцендентальный субъект, индивидуалистичность, атомарность которого критикует Сэндел, вообще не является индивидом, отдельным человеком, а представляет собой в практическом измерении универсальную схему морального целеполагания и целеследования, присущую в виде потенции каждому индивиду и в каждом особым образом частично актуализированную. Актуализация этой способности, борьба за моральный образ мыслей и действий и составляет долг [AA KpV, 5:84].

Сэндел утверждает, что кантовская этика является деонтологической, поскольку ей чужда телеология, и переходит к критике на том основании, что этика не может быть беспредметной, не может не иметь эмпирической цели. Однако и это рассуждение может быть оспорено. У кантовской этики есть предмет, он предписан все той же второй формулой категорического императива, и этот предмет – человечность и человечество в лице каждого конкретного человека. И если человечество и человечность представляют собой проблематичные предметы, никогда не данные в опыте целиком, то о конкретном человеке этого сказать нельзя, он представляет именно эмпирическую цель. Оппозиция деонтологии и телеологии, таким образом, оказывается сомнительной, во всяком случае в применении к философии Канта.

Ссылки и примечания:

1. Rawls J.A. *Theory of Justice*. Cambridge, 1999.
2. Rawls J. *Collected Papers*. Cambridge, 1999.
3. Sandel M. *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge, 1982.
4. Ibid.
5. Ссылки на работы Канта даются согласно устоявшейся системе аббревиатур и пагинации по Академическому изданию (*Akademie-Ausgabe*).
6. Sandel M. *Op. cit.*
7. Wood A. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge, 1999.
8. Соловьев Э.Ю. Категорический императив морали и права. М., 2005.

References and notes:

1. Rawls, JA 1999, *Theory of Justice*, Cambridge.
2. Rawls, J 1999, *Collected Papers*, Cambridge.
3. Sandel, M 1982, *Liberalism and the Limits of Justice*, Cambridge.
4. Sandel, M 1982, *Liberalism and the Limits of Justice*, Cambridge.
5. References to Kant's work are established in accordance with the system of abbreviations and pagination of Akademichesky edition (*Akademie-Ausgabe*).
6. Sandel, M 1982, *Liberalism and the Limits of Justice*, Cambridge.
7. Wood, A 1999, *Kant's Ethical Thought*, Cambridge.
8. Solovyov, EY 2005, *The categorical imperative of morality and law*, Moscow.